

Индекс П8643

1
2024

РОССИЯ XXI 2024 1

РОССИЯ XXI

1.2024 январь-март

Геоглобалистика

Валерий Журавлев

Революции и реформы в истории России _____ 6

Ярлыки и мифы

Андрей Богданов

Венчание русских государей
и традиция Империи Ромеев _____ 18

Олеся Плех

Юбилей восстания декабристов на страни-
цах научных журналов середины 1920-х гг. _____ 52

Ресурсы нации

Алексей Белов

Второй «столичный город»: формирова-
ние административной инфраструктуры
Москвы в ходе «реформы города» Екатерины II _____ 80

Страницы истории

Игорь Татаринов

Секретные сотрудники в информационной
работе ВЧК – ГПУ – НКВД на Донбассе
в 1920–1930-х гг. _____ 98

Кирилл Киржа

О некоторых аспектах взаимоотношений
России и Сербии в годы
Первого сербского восстания _____ 120

Светлана Архипова

У истоков Кабинета Востока
Исторической библиотеки:
к 85-летию со дня открытия _____ 146

Россия в мире

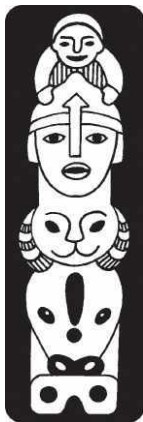
Михаил Ковалев,

Виктория Груздинская,

Аттила Шереш

Венгерский историк Йозеф Перени
и советская историческая наука _____ 160

РОССИЯ XXI

Олеся Плех

**ЮБИЛЕЙ ВОССТАНИЯ
ДЕКАБРИСТОВ НА
СТРАНИЦАХ НАУЧНЫХ
ЖУРНАЛОВ
СЕРЕДИНЫ 1920-х гг.***

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47).084

В статье рассматривается юбилейный исторический нарратив о движении декабристов, представленный на страницах научных журналов 1920-х гг. Анализ тематики исследований и характера научных дискуссий позволил увидеть, что историки обращались ко многим неизученным сюжетам, но противопоставить дореволюционным «легендам» новую стройную концепцию декабризма не смогли. На формирование исторического нарратива накладывало отпечаток сосуществование разных поколений ученых. Историки-марксисты, вооружившись идеологически правильной «схемой Покровского», изучали Южное общество, Общество соединенных славян и восстание Черниговского полка, а «буржуазные» исследователи, не отошедшие от «либеральных концепций», по-прежнему фокусировали внимание на изучении Северного общества и восстания 14 декабря.

The article examines the anniversary historical narrative about the Decembrist revolt, presented on the pages of the scientific journals of the 1920s. An analysis of the topics of research and the nature of scientific discussions made it possible to see that historians turned to many unstudied subjects, but were unable to contrast the pre-revolutionary “legends” with a new coherent concept of Decembrism. The formation of the historical narrative was influenced by the coexistence of different generations of scientists. Marxist historians supported the ideologically correct theory of Pokrovsky, studied the Southern Society, the Society of the United Slavs and Chernigov Regiment revolt, and “bourgeois” researchers, who did not move away from “liberal concepts”, continued to focus on studying the Northern Society and the revolt on December 14th.

Ключевые слова: декабристы; восстание декабристов; 14 декабря 1825 г.; юбилей; исторический нарратив; коммеморативные практики; историческая память.

Key words: Decembrists; Decembrist Revolt; 14 December 1825; anniversary; historical narrative; commemorative practice; historical memory.

E-mail: plekh@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ №23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования», <https://rscf.ru/project/23-18-00303/>.

*Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?*

Ф. Ф. Вадковский. Желания [62, с. 318]

Восстание 14 декабря 1825 г. стало одной из наиболее ярких страниц в истории Российской империи первой половины XIX в. С него началась эпоха правления Николая I, что во многом повлияло на оценки его государственной деятельности. Восстание и его последствия не только всколыхнули высшее общество, но и оказали сильнейшее влияние на развитие общественно-политической мысли в стране. Несмотря на то, что тема декабризма во второй четверти XIX в. была под запретом, именно в это время предпринимались первые попытки осмыслить произошедшее, причем не только со стороны репрессированных участников, но и самодержавия. Если ссыльные декабристы в своих мемуарах стремились дать, скорее, философское обоснование своих действий [31; 32; 33; и др.], то верховная власть приложила немало усилий для формирования официальной концепции [12], которая в наиболее завершенном виде была представлена в труде М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» [26]. Написанный по высочайшему повелению текст был тщательно отредактирован Николаем I, однако вышел в свет уже после его смерти, в 1857 г. Его основные идеи перекликались с позицией, изложенной в манифесте, обнародованном в день казни декабристов: 1) малочисленность заговорщиков («горсть молодых безумцев»), не имевших поддержки в массах и среди солдат, которые оказались «жертвами коварного подлога»; 2) «случайность» восстания и несвойственный для «покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой России» преступный замысел против царствующей семьи; 3) бессмысленность мятежа, во главе которого оказались люди, увлеченные чуждыми западными идеями и незнакомые с интересами населения¹. Пожалуй, нельзя не согласиться с М. В. Нечкиной, которая полагала, что эти тезисы должны были не только оправдать действия Николая I, но и «доказать» его «права на российский престол» [37, с. 170].

¹ В манифесте от 13 июля 1826 г. довольно ясно излагалась позиция верховной власти: «Не в свойствах, не во нравах русских был сей умысел. Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную; но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и всегда будет неприступно. Не посягнется имя русское изменю престолу и Отечеству... Мы видели при сем самом случае новые опыты приверженности... видели все состояния соединившимися в одной мысли, в одном желании: суда и казни преступникам» [57, с. 109].

В.А.Голике. Портрет великого князя Николая Павловича. 1820-е гг.

Сочинение Корфа оживило интерес к декабристам, вызвав весьма противоречивые отклики. Монархически настроенные круги увидели в нем слишком откровенное изложение событий [15, с.239–284], а оппозиционные – подвергли резкой критике «раболепный» взгляд «николаевского сановника». К примеру, А.И.Герцен и Н.П.Огарев изложили свое отношение к восстанию, опубликовав в 1858 г. за границей совместную работу «14 декабря 1825 и император Николай: по поводу книги барона Корфа» [1, с.65–206]. Мнения разделились даже среди самих декабристов: одни не могли однозначно сформулировать свою позицию, поскольку весьма удивились тому, что власть решилась раскрыть для публики «царственную тайну» (В.И.Штейнгель, Е.П.Оболенский); другие акцентировали внимание на тенденциозности изложения («убийственной раболепной лести»), наличии многочисленных «умолчаний», стремлении «унизить уничтоженных» и исказить действия восставших (И.И.Пуцин, М.И.Муравьев-Апостол и др.) [1, с.41–43].

В последующие десятилетия правительственная «легенда о декабристах» получила развитие в официальной историографии, тогда как либеральная печать воодушевлялась другой «легендой», представленной, в первую очередь, в трудах Герцена. Ни та ни другая концепция не имели документальной опоры, и, несмотря на значительное количество публикаций, даже к 1917 г. ощутимый недостаток фактического материала

ла заполнялся домыслами и общими суждениями. После революции тема декабризма вновь приобрела особую актуальность. В преддверии 100-летнего юбилея исследователи получили доступ к ранее неизвестным документам, позволявшим переосмыслить роль и значение восстания в истории Российского государства.

В современной литературе празднование юбилея восстания декабристов обращает на себя внимание историков главным образом в связи с активным изучением коммеморативных практик [4, с. 71–85]². В ходе настоящего исследования предпринимается попытка проанализировать характер дискуссий и специфику юбилейного исторического нарратива, нашедших отражение на страницах научных журналов середины 1920-х гг.: «Былое» (1906–1907, 1917–1926), «Историк-марксист» (1926–1941), «Каторга и ссылка» (1921–1935), «Красный архив» (1922–1941).

«Декабристам надо поставить памятник!»

Кардинальные изменения в политическом строе и общественной жизни России предопределили повышенный интерес к революционной тематике. В новых советских журналах подавляющее большинство публикаций было посвящено истории революционного движения [2; 24; 27; 53; 67], а восстание декабристов стало рассматриваться как его важный этап. Еще до Февральской революции В.И. Ленин в своих трудах и выступлениях заявлял, что это событие сыграло особую роль в «революционном воспитании русского народа». В частности, в январе 1917 г., выступая в Цюрихе на собрании швейцарской рабочей молодежи, он отметил: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» [29, с. 315]. Казалось бы, научный интерес к восстанию и «легитимность» празднования его 100-летнего юбилея не должны были вызывать разногласия, но в 1920-е гг. среди исследователей встречались и иные точки зрения.

В конце 1923 г. при Центральном архиве Москвы и при Обществе бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев начали работать специальные комиссии по подготовке празднования юбилея восстания 14 декабря 1825 г., что вызвало любопытную полемику на страницах газет. Так, в газете «Рабочая Москва» председатель Истпарта историк

²Исследователи только приступают к изучению юбилейного исторического нарратива. Так, в статье Д.И.Булдаковой и О.И.Киянской проанализированы газетные публикации, освещавшие 100-летие восстания декабристов [5, с.10–14].

К.И.Кольман. Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. 1830-е гг.

М. С. Ольминский выразил недовольство деятельностью Общества бывших политкаторжан³, «замыслившего» юбилей декабристов⁴. Он напомнил, кем были декабристы («помещиками дворянами, включая и князей, и графов; кроме того, почти все они были офицерами, вплоть до генералов») и во имя чего вышли на площадь (ведомые «сословными предрассудками и сословными интересами»). Ольминский, полагая, что декабристы «не заслуживают того, чтобы памятью их чествовала революционная Россия», задался вопросом: «Понятно, что "столетний юбилей" объединит всех белогвардейцев, российских и заграничных. Но какое дело до него Обществу бывших каторжан?» [48, с. 319–320].

Однако научное сообщество в целом не поддержало такой взгляд. Так, видный деятель Общества бывших политкаторжан В. Д. Виленский-Сибиряков по поводу публикации Ольминского отметил, что «сто лет тому назад, при господстве крепостного права в России, не могло быть революционеров, стоящих на пролетарской точке зрения», и нельзя «ставить в вину декабристам, что они не были коммунистами-больше-

³ Ольминский не решился критиковать деятельность Комиссии Центрархива, появившейся раньше и возглавляемой М. Н. Покровским.

⁴ В Комиссию вошли А. В. Якимов, И. А. Теодорович, А. К. Кузнецов, М. М. Чернавский, В. А. Плесков, И. Н. Бороздин, Б. П. Козьмин и др. Цель ее работы заключалась в сборе и публикации материалов, освещавших жизнь и быт декабристов на каторге и в ссылке. Подробнее см.: [42, с. 300–301].

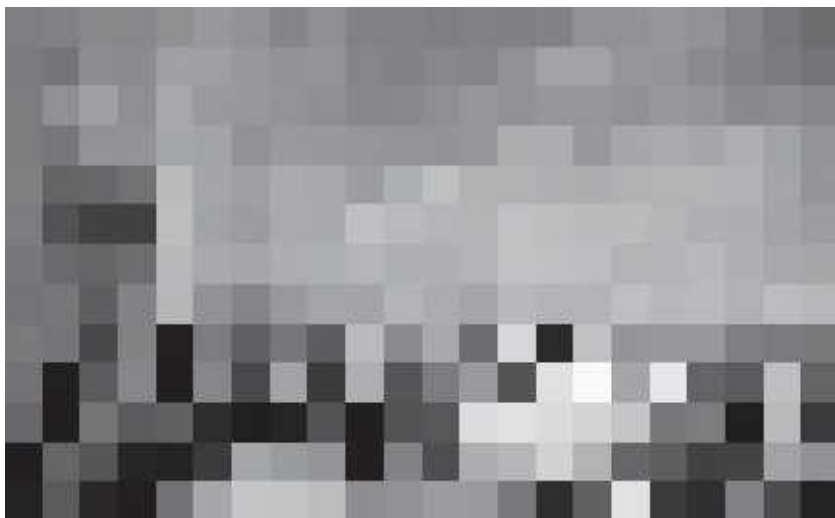
виками»: «Они были только буржуазными революционерами, и другими быть не могли... В ту эпоху, в порядке исторического дня стояла замена крепостнического строя строем буржуазным, который в свою очередь создал почву для подготовки строя социалистического» [48, с. 321]. Также Виленский-Сибиряков подчеркнул, что для «бывших политических каторжан это столетний юбилей массовой политической каторги, а затем и политической ссылки», и упрекнул Ольминского в «выдергивании» отдельных фраз из показаний «того или иного из декабристов»: «Из этого делать выводы и обобщения – это далеко не надежный метод для понимания исторического значения декабрьского восстания 1825 г. При помощи подобного метода можно поставить под сомнение все, что угодно» [48, с. 320–321].

«Наметить общие контуры явления, называемого восстанием декабристов»

В 1920-е гг. историография декабристского движения пополнилась большим количеством публикаций и к 1930 г. насчитывала уже более 5 тыс. библиографических единиц [6], из них не менее 650 вошло в свет в рамках празднования юбилея [39, с. 238]. Основным лейтмотивом исторического нарратива выступала борьба с «легендами» о декабристах, в первую очередь с той, которую культивировала верховная власть. В этом сходились и представители «старой школы», и молодые советские историки, однако пути достижения цели они видели по-разному. Первые считали главной задачей «восстановление» достоверной и полной картины событий, что оказалось затруднительно даже в отношении восстания на Сенатской площади. В частности, А. Е. Пресняков отмечал, что эти трудности произрастают «не от недостатка, а, напротив, от большого обилия свидетельств, которые во многих подробностях расходятся и противоречат друг другу» [50, с. 149]. В свою очередь, историки-марксисты полагали, что нужно «найти декабристам место, законное и обеспеченное, в развитии русской революционной идеологии», но для этого недостаточна «фактическая база» [47, с. V]. Следовательно, требуется сосредоточить усилия на публикации архивных материалов.

Общество бывших политкаторжан, знакомившее читателей «Каторги и ссылки» с деятельностью своей Комиссии по подготовке празднования юбилея, попыталось сформулировать задачи, которые стояли перед редакторами журнала при отборе публикуемого материала: в «статьях нашего издания будет рассмотрен вопрос о классовом составе заговорщиков, о взаимоотношениях между различными группами среди них

самих, а также между ними и другими слоями восставших масс, будут выяснены причины и условия возникновения движения декабристов, будут вскрыты истинные намерения и стремления руководителей и участников этого движения, будут обрисованы приемы и способы, которыми они хотели добиться своих основных целей, будут освещены причины неудачи, как всего заговора, так и устроенных декабристами восстаний. Наконец, будут отмечены последствия заговора и влияние декабрьских восстаний 1825 года на все последующее освободительное движение в России» [23, с. 178]. Иными словами, Общество политкаторжан наметило широкую исследовательскую программу, в итоге реализации которой требовалось получить не только ответы на поставленные вопросы, но и цельную концепцию декабризма, способную удовлетворить запросы молодой советской науки.

В.Ф.Тимм. Восстание 14 декабря 1825 года. 1853 г.

Однако содержание номеров «Каторги и ссылки» и других периодических изданий (как и в целом юбилейной литературы) показывает, что достичь этой цели не удалось. Богатое документальное наследие, хранящееся в царских архивах, позволило опубликовать весомый комплекс ценных материалов, раскрывавших не только собственно деятельность тайных обществ и организацию восстания, но и многие другие сюжеты. Что же касается исследовательских статей, то их на страницах журна-

лов оказалось совсем немного. Большая часть авторов сосредоточилась на рассмотрении частных вопросов, не пытаясь представить общий взгляд и вписать свои выводы в «новую» историю декабризма, а те, кто все же решился на обобщения, не смогли отойти от «старых» концепций.

**«Розыски материалов
о восстании декабристов»**

Задача по обнаружению документов решалась вполне успешно.

В научном сообществе публикация источников, в первую очередь материалов суда и следствия, признавалась главным вкладом юбилейной литературы в разработку темы декабризма. Речь идет не только о крупных изданиях, подготовленных Центрархивом и Обществом бывших политкаторжан, но и о материалах, представленных на страницах исторических журналов, таких как «Былое», «Каторга и ссылка» и «Красный архив».

В научном сообществе публикация источников, в первую очередь ма-

териалов суда и следствия, признавалась главным вкладом юбилейной литературы в разработку темы декабризма. Речь идет не только о крупных изданиях, подготовленных Центрархивом и Обществом бывших политкаторжан, но и о материалах, представленных на страницах исторических журналов, таких как «Былое», «Каторга и ссылка» и «Красный архив».

Опубликованные в периодических изданиях документы, которые, по замыслу издателей, должны были углубить представления об истинных намерениях участников движения, оказались разнообразны и по типу, и по содержанию. Письма, записки, воспоминания декабристов и лиц из их окружения в основном содержали биографические подробности, в том числе касающиеся материального положения, взаимоотношений с родственниками и проч. [11; 17; 18; 22; 35; 44; 62; 63; 64; и др.]. С точки зрения мифотворчества, более интересными выглядят обнаруженные источники, запечатлевшие многочисленные слухи, «бродившие» по империи после восстания [19, с.252–260]. Особое внимание следует обратить на отрывки из дневника владимирского семинариста, опубликованные в журнале «Былое». Они позволяют судить не только о том, какие «новости» получали в провинции, но и о скорости их распространения. Так, в записи от 8 января 1826 г. семинарист отметил, что из Петербурга пришли вести о «бунте по случаю вступления на престол императора Николая Павловича». Уже 11 января автор конкретизировал эту запись, добавив, что бунтовщики принадлежали к «масонской секте» и возглавлял их «какой-то князь Вяземский», помогали «два московские полка, да батальон морского экипажа», а главной целью являлась «всеобщая революция». Запись от 20 февраля сопровождалась пометкой «известия, новости, слухи, догадки», и в ней сообщались уже «детали» бунта: «много погибло тогда невинных вкупе с виновными» (описывался случай, когда девушке, «которая сидела у себя в доме, оторвало ноги»), австрийский император участвовал в заговоре против Александра I и помогал

бунтовщикам, за что «они обещали ему на год Россию в подданство», «при параде среди С.-Петербурга расстреливали пятерых из бунтовщиков» (названы фамилии троих – Бестужев, Рылеев и Трубецкой). 7 марта, также с припиской «известия и слухи», отмечено, что в Петербурге «расстреляли из пушек еще несколько злоумышленников. Графиню Орлову, которая вышивала гербы для революции, высекли плетьюми» [58, с. 75–77]. В предисловии к публикуемому дневнику М. Шкапская справедливо указала, что семинарист не глуп. Сделанные им записи свидетельствуют, что он регулярно читал «Московские ведомости», знал фамилии многих сановников (к примеру, рассуждал о судьбе Милорадовича, с восхищением отзываясь о прославленном генерале), однако же в достоверности слухов почти не сомневался.

Для изучения процесса конструирования исторических мифов весьма любопытны документы, раскрывавшие действия Николая Павловича во время и после восстания. В «Красном архиве» были опубликованы выдержки из записок императора 1831 г., касающиеся событий ночи с 14 на 15 декабря и допросов декабристов. Советские исследователи понимали, что именно этот источник лег в основу «официальной» истории воцарения Николая I, но в то же время находили в нем доказательства «моральной» победы заговорщиков: «В моральном единоборстве с допрашиваемыми декабристами Николай нередко оказывался побежденным, и эту неприятную правду не могла закрыть ни от него самого, ни от других никакая ретушь, как бы густо ни накладывал ее в своем рассказе царственный мемуарист». Публикуемые отрывки должны были раскрыть «подлинный характер николаевского расследования», развенчать миф о великодушии самодержца: «"Собственноручные записки" сами достаточно выразительно изображают, как быстро соскакивала с него всякая игра в благородство, как сбивался он с тона и впадал в бешеную ярость, лишь только встречал со стороны своих "пленников" дух независимости, сознание собственного достоинства и верность данному слову, как не прочь он был свести при случае личные счеы, как мало останавливался его следовательский азарт даже перед явной болезнью и физическими страданиями его жертвы» [20, с. 223].

Доказательством мстительности и злопамятности должен был служить и отрывок из дневника академика А. В. Никитенко. Этот источник был хорошо известен историкам, однако в его дореволюционных изданиях находилось много цензурных пропусков, среди которых сюжет о декабристе В. С. Норове, характеризующий императора не с лучшей стороны [10, с. 87–89]. Судя по записям Никитенко, суровое наказание Норову,

А.И.Ладюрнер. Приход к Зимнему дворцу 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка 14 декабря 1825. 1852 г.

не участвовавшему в восстании, но знавшему многих его участников, являлось не более чем расплатой за «столкновение с великим князем Николаем Павловичем», имевшее место в начале 1820-х гг.

Согласно официальной «легенде», Николай I был милосерден и «отклонил от себя всякий приговор по делу пяти первых осужденных декабристов, поставленных верховным судом вне разрядов», следовательно, «казнь их – дело не его, а судей». Однако советские историки придерживались иного мнения, которое довольно ясно сформулировал Б.Е. Сырочковский: «Разгром декабристов на Сенатской площади, их аресты и допросы, следствие и суд над ними и самую их казнь Николай I, как известно, сделал своим личным делом, и дело это он вел твердо и без колебаний к тому концу, который для него был предreshен в первые же мгновения после победы еще в ночь с 14 на 15 декабря, – к казни суровой и беспощадной, которая должна быть возмездием для "убийц" и примером для других» [41, с. 174]. Публикуемые в журналах документы подтверждали эту точку зрения. К примеру, обнародованные в «Красном архиве» письма императора, написанные в дни казни декабристов, свидетельствовали о том, что он не только стремился поскорее «расправиться» с руководителями восстания, но и занимался «разработкой в подробностях самого обряда казни и наряда войск к ее исполнению» [41, с. 175–176].

Еще одним «доказательством» несостоятельности царской «легенды» являлись обнаруженные заметки Н. К. Шильдера, сделанные на полях упомянутой книги Корфа, из которых следует, что даже один из главных дореволюционных историографов был невысокого мнения об императоре и его распоряжениях во время восстания на Сенатской площади [14, с. 148–153]. В частности, многие действия Николая I историк объяснял трусостью, отчасти – лукавством и находчивостью. Отметил, что «все его ненавидели», из-за чего был подозрителен, недоверчив и установил «полицейский» режим, и вообще «всю жизнь только и требовал формы». По мнению Шильдера, император в полной мере осознавал, что отдал приказ «стрелять в невинных солдат», а относительно тех, кто побежал «вдоль Крюкова канала», уточнил, что стреляли еще и «в тыл». Рассказ о «великодушном прощении» солдат прокомментировал так: «Прощены, т. е. сосланы на Кавказ». Историк акцентировал внимание на многих сюжетах, представленных Корфом в искаженном виде, отметил и случаи откровенного «вранья». Кроме того, он явно сомневался в истинности утверждения, что восстание – дело рук «горсти молодых безумцев».

Среди архивных материалов сохранилось немало документов, отражающих проправительственный взгляд, и в 1920-е гг. они также допускались к печати, что вовсе не следует воспринимать как стремление к плюрализму. Подобного рода свидетельства служили, скорее, доказательством слепого раболепия, что было свойственно, в первую очередь, чиновникам разного ранга. Так, в «Красном архиве» представлен рассказ о 14 декабря И. Я. Телешова, в 1825 г. служившего в Министерстве финансов. Из этого рассказа следует, что, находясь на площади, Николай I проявлял себя как милостивый и добрый государь, отдававший «свои распоряжения с видом печальным, но с твердостью необыкновенною», тогда как окружавшая его свита «была в чрезвычайном смущении...», все «движения» придворных «выражали не только скорбь, но даже отчаяние», а их «наружный вид» искусно и проворно менялся «по обстоятельствам» [54, с. 286–287].

Весьма чувствительными для истории декабризма являлись показания отдельных участников движения, стремившихся всеми силами оправдать себя. К примеру, Н. И. Тургенев, во время восстания находившийся в Англии, имел прекрасную возможность «бросить в лицо Николаю всю правду, стать адвокатом дела замученных в царских тайниках товарищей перед лицом всего цивилизованного мира» [47, с. VII]. Но вместо этого он направил императору «позорно коленопреклонную» оправдательную записку, в которой не только отрекался от участия в загово-

ре, но и пытался доказать «ничтожность» тайных обществ [16, с. 68–70]. Не менее показательным поведением генерал-майора М. Ф. Орлова. Находясь под арестом, он изъявил желание оказать любое содействие в разоблачении виновных. «У меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю честное слово написать обо всем, что сохранилось в моей памяти», – заявлял Орлов в записке от 2 января 1826 г., адресованной генерал-адъютанту В. В. Левашову [30, с. 168].

«Новой концепции декабризма юбилей не выдвинул»

Как уже отмечалось выше, юбилейная литература не смогла противопоставить дореволюционным легендам «новую концепцию», лишенную «многочисленных пробелов» и очевидных для советских историков «ошибок». Для научного сообщества такой итог оказался вполне ожидаемым. Так, по мнению Нечкиной, «бедность монографической разработки декабризма» была напрямую связана с «документальной неосведомленностью», а вновь опубликованные в юбилейных изданиях документы и вовсе привели к тому, что не осталось «ни одного труда о декабристах до юбилея, который... не устарел бы всецело или отчасти» [39, с. 238, 242]. В качестве заслуживающего уважения достижения историк представила широкое признание «схемы М. Н. Покровского»: «Все популярные брошюры и основная масса специальных статей, вышедших к юбилею, взяли ее за основу своего изложения». В «Обзоре юбилейной литературы» Нечкина подчеркивала, что «Покровский был первым ученым, давшим анализ классового существа декабристов... Он первый изучил их экономические корни, указал и раскрасил "легенду о декабристах", сложившуюся в прошлом веке и не умершую ныне. Им была разбита обычная схема движения декабристов, в центре которой было Северное общество и день 14 декабря на Сенатской площади, и выдвинута новая, в которой главное место занимают Южное общество с П. Пестелем, Соединенные славяне и восстание Черниговского полка» [39, с. 246]. Правда, ясно сформулировать позицию маститого ученого Нечкина так и не смогла, ограничившись лишь отдельными цитатами из разных публикаций, что неудивительно. В 1939 г. историки, критиковавшие Покровского за «извращенное» толкование исторических фактов, вполне справедливо указывали на многочисленные противоречивые высказывания о характере движения декабристов: в публикациях 1920-х гг. он то называл их революционерами, то вообще отрицал революционность движения [9, с. 27–28], не говоря уже о том,

что в 1907 г. рассматривал их как чуждую буржуазным идеям «кучку дворян», попытавшуюся совершить «последний дворцовый переворот» [28, с. 101, 102, 112]. Не умаляя его заслуг по публикации документально-го материала, следует отметить, что к юбилею из-под его пера не вышло ни одной крупной работы о декабристах. Результаты научных изысканий Покровского хорошо иллюстрирует сборник его статей, появившийся в 1927 г., где собраны несколько газетных заметок и предисловия к вышедшим под его редакцией изданиям [46].

Между тем в периодике середины 1920-х гг. был представлен ряд статей обобщающего характера. В первую очередь, необходимо выделить юбилейные публикации Преснякова [51; 52], на которые довольно резко отреагировал редактор журнала «Историк-марксист» А. В. Шестаков, отметив, что в них «любопытный читатель не найдет ничего нового, кроме старой трюхи о столкновении "самодержавной власти с новой нарождающейся русской общественностью", об "отчуждении правительственной власти от всех насущных общественных интересов – материальных и культурных" и т. п.». Он упрекал Преснякова в «кадетизме», которым веяло «от фраз: "разделение трона от народа" как причины декабризма, объяснение этого движения "разорением страны" после наполеоновских войн и пр.» [66, с. 305]. По всей видимости, такое отношение к творчеству историка «старой» школы разделяли не все ученые-марксисты. К примеру, Нечкина, хотя и поддерживала мнение, что его труды «по существу нового не дают», но в целом отзывалась о них положительно [39, с. 243]. В то же время при ближайшем рассмотрении критика выглядит вполне оправданной. Во-первых, Пресняков пренебрегал научным цитированием и не привел ни одной ссылки на документальные материалы, что не позволяло читателю увидеть круг источников, на котором базировалось его исследование. Во-вторых, в своем повествовании он придерживался публицистического стиля, воспроизводя многие ошибки и домыслы, не имевшие научного обоснования. В-третьих, его умозаключения в целом дублировали тезисы распространенных до революции «легенд» о декабристах, причем почерпнутые из разных источников, что привело к противоречивости его суждений. Так, статью «Восстание декабристов» он начинал с того, что называл восстание декабристов «первым опытом революции в России», а далее уже рассуждал о «военном заговоре», «офицерском перевороте», подчеркивая отсутствие сплоченности в среде заговорщиков [51, с. 3–27].

Следует также обратить внимание на опыт осмысления восстания декабристов, предпринятый Е. В. Сказиным, который хотя и не относился

А.А.Трость. Морской гвардейский экипаж на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. 1983 г.

к историкам «старой» школы, но вполне воспринял идеи дореволюционной историографии. В своей статье он попытался восстановить хронологию событий 14 декабря 1825 г., при этом активно ссылаясь на работы Корфа, Шильдера, С. А. Панчулидзева и др. [59, с.65–86]. Как отметила Нечкина, автор пребывал «во власти либеральной концепции декабризма» и, «несмотря на усилия дать марксистское толкование, ему не удалось связать его [восстание. – *О.П.*] с эпохой, он ушел в исследование фактических деталей и тактики восстания, своеобразно им понимаемой» [39, с.243]. Обвинения в отсутствии связи с рассматриваемой эпохой выглядели не вполне справедливо, поскольку не только Сказин, но и историки, крепко стоявшие на марксистских позициях, да и сама Нечкина, в своих статьях не демонстрировали стремления «углубиться» в общеисторический контекст, ограничиваясь общими суждениями о развитии революционного движения.

В целом в юбилейной литературе уделялось слишком мало внимания политическому и социально-экономическому развитию России в первой четверти XIX в., что не позволило раскрыть причины и предпосылки декабризма. Отдельные замечания относительно эпохи и личности Николая I можно найти во многих публикациях, и все они, по сути, повторяют тезисы, бытовавшие со времен Герцена. Император, часто именованный Палкиным, характеризовался как «сухой формалист, человек

мелочный, жестокий, недалекий, но чрезвычайно самонадеянный и самолюбивый» [59, с. 66]. Офицеры, дворяне и сановники его хорошо знали, но не любили, а потому видеть на престоле не хотели. Жандарм, стремившийся контролировать все и всех, раскрылся в нем с первых дней воцарения: стал «сыщиком и следователем, настойчиво выслеживающим нити и разветвления тайного общества» [21, с. 241]. При этом отдельные историки считали его одним из сильнейших Романовых, ставя в один ряд с Петром I, полагая, что и сам он был в этом искренне убежден [3, с. 138]. При оценке итогов правления всецело разделялось мнение, что «смерть Николая I вызвала вздох облегчения даже в тех кругах общества, которые были, казалось, преданы престолу» [34, с. 163].

Новая «схема движения декабристов»

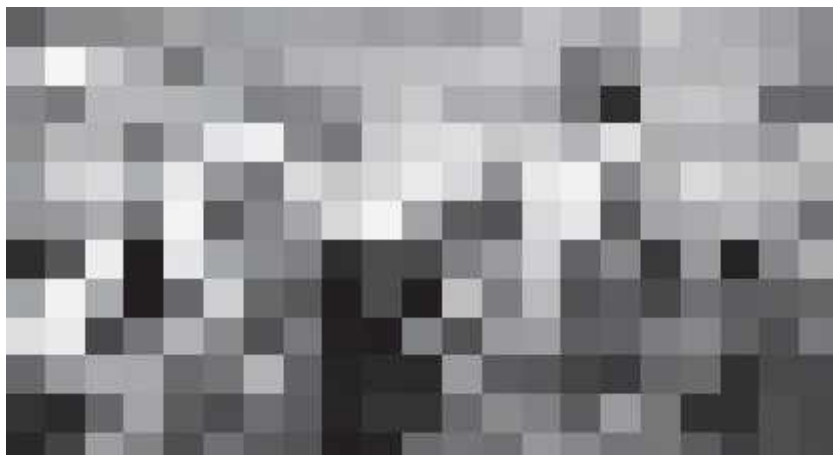
Предложенная Покровским «схема движения декабристов» требовала особого внимания исследователей к событиям, происходившим

на юге страны, однако на этот призыв откликнулись немногие. Не считая публикаций, касавшихся отдельных эпизодов и личностей [7; 43; 49; 65], в этом направлении определенный вклад удалось внести Нечкиной, представившей сразу две статьи: «Восстание Черниговского полка» и «Общество соединенных славян». И тот и другой материал вызвал живой интерес в научном сообществе, что неудивительно – автор пришла к «революционным» выводам.

Во-первых, в ходе своего исследования она попыталась опровергнуть представление о декабристах как исключительно дворянском явлении. В связи с этим занялась поиском «революционеров-разночинцев» в Обществе соединенных славян [38, с. 154]. Она утверждала, что в движении декабристов это была совершенно самостоятельная «демократическая струя»: «Общество соединенных славян... резко отлично и по тактике, и по революционным планам и, наконец, по социальному составу от массы других декабристов. Оно выступило на революционное поприще как самостоятельная единица, не утратило основных черт своей физиономии и после слияния с Южным обществом и кончило свою революционную историю заговором в Зерентуйском руднике. Славяне организовали восстание Черниговского полка и вынесли огромную долю его тяжести на своих плечах. Им первым во всей революционной истории принадлежит мысль о революции народной. Они – первая организация, планомерно занимавшаяся пропагандой среди солдат и видевшая в солдате не пушечное мясо, хотя бы революционное, а со-

знательного участника революции, товарища-единомышленника. Пусть славяне все же революционеры, не нашедшие массы, – они хотели найти ее, они ее искали, и в этом их огромная заслуга. Они не понимали в революции нерешительности, постепенности, половинчатости. Они хотели действовать сразу, одним ударом» [38, с. 174].

Во-вторых, слияние Южного общества с Обществом соединенных славян, по мнению автора, не привело к полному поглощению последнего, что ярко проявилось во внутренней борьбе славян и С.И.Муравьева-Апостола в ходе восстания Черниговского полка. Доказывая решающую роль офицеров-славян, Нечкина, с одной стороны, вооружилась ранее неизвестными архивными материалами, но с другой – подкрепляла свои суждения выдернутыми из контекста фразами, якобы свидетельствовавшими об ошибках и нерешительности Муравьева-Апостола, размышляла по поводу того, как бы могло развиваться восстание, если бы руководитель поддержал «смелые планы» революционеров [36, с. 87–112]. Иными словами, историк явно преувеличивала значение Общества соединенных славян и идеализировала его членов. Все это было далеко от объективности, но вполне соответствовало «схеме Покровского».

Т.Г.Назаренко. Декабристы. Восстание Черниговского полка. 1978 г.

В рамках юбилейной литературы молодые историки-марксисты выдвигали и другие оригинальные концепции, среди которых особое внимание критиков привлекла статья Н.Л.Рубинштейна. В ней отрицалось наличие в начале XIX в. торгового капитала в городах и обосновывалось

существование «крестьянского капитализма», лежавшего в основе социальных противоречий между феодальным дворянством и нарождавшимся промышленным капиталом в деревне [56, с. 9–34]. Автор полагал, что декабристы отражали интересы этой «сельской буржуазии», растворенной в крестьянской массе и не способной сплотиться для борьбы за власть. Именно поэтому и восстание декабристов оказалось обреченным на неуспех в борьбе с крепостным хозяйством и его государственной организацией. Несмотря на столь смелые и слабо аргументированные утверждения, считается, что эта статья принесла ученому успех.

Наиболее резко на работу Рубинштейна отреагировал Шестаков: «С автором можно спорить, тем более что его аргументация страдает смешением традиционных для марксиста терминов, путаницей в анализе хозяйственных форм... Так, у него "феодальная реакция XVIII века" увлекается сельским хозяйством и агрономией, заботясь об усилении продукции своего помещного хозяйства в целях выгодного сбыта хлеба на основе монополии, вытеснения купца из торгового оборота и т. д. Типичная форма дворянского торгового капитала автором подменяется "феодальной" организацией хозяйства. Получается изрядная путаница. И такого рода методологическими "невязками" переполнена вся статья, претендующая дать новое освещение той экономической базы, на которой развернулось движение "декабристов"» [66, с. 304–305]. В свою очередь, Нечкина относительно новой теории хотя и высказалась, что автор представил «маловероятные домыслы», изложенные «аподиктически, с недостаточным аппаратом доказательств», но вступить в полемику не стала, «ожидая более подробного изложения его мыслей для возможности их последовательной критики», да и в целом посчитала изложенное в статье лишь «некоторым отклонением, частичным расхождением» со «схемой Покровского» [39, с. 243, 246]. Возможно, такое лояльное отношение связано с тем, что Рубинштейн успел зарекомендовать себя как настоящий приверженец взглядов Покровского. Еще в 1924 г. он опубликовал статью, в которой воспевал научные достижения «выдающегося историка», указывая на то, что в его лице «русская историческая наука едва ли не впервые стала устанавливать тенденцию исторического процесса» [55, с. 209].

Весьма своеобразную трактовку «схема Покровского» получила в украинской юбилейной литературе. Осознание того, что главные события в истории декабристов происходили на юге, истинными революционерами являлись члены Южного общества и Общества соединенных славян, а самым крупным стало восстание Черниговского полка,

всколыхнуло украинскую науку, в первую очередь националистически настроенные круги. Такие видные исследователи, как М. С. Грушевский, Д. И. Багалей, С. А. Ефремов и др., задались вопросом: «Украинские декабристы или декабристы на Украине?» Результатом их научных изысканий стала «концепция южного декабризма»: «украинские декабристы», политическая идеология которых базировалась на идее национального возрождения, являли собой пример борцов за независимую Украину. Стремление украинизировать декабристов привлекло внимание Нечкиной, представившей в «Историке-марксизме» обстоятельный разбор новой теории. Она отметила, что украинские историки воспользовались неразработанностью вопроса о Южном обществе в литературе: «Самая яркая и наименее исследованная страница декабризма оказалась своей, украинской, прямо-таки краеведческой... На всем украинском юбилее – печать украинской гордости, что есть-де украинские декабристы» [40, с. 187]. Проанализировав украинские юбилейные публикации, историк обнаружила домыслы, не имевшие документального подтверждения, случаи замалчивания одних и преувеличения других фактов, и пришла к выводу, что «новая общая концепция южного декабризма необоснованна и в существе неправильна» [40, с. 189].

«Индивидуалистическая замкнутость и отсутствие согласованности»

Появление специальных комиссий по подготовке празднования 100-летия восстания декабристов вовсе не означало, что юбилейная кампания стала делом государственной важности. Главная причина этого крылась не в социальном происхождении и политических взглядах декабристов. В декабре 1925 г. праздновался еще один юбилей, более значимый и важный для большевиков и молодого Советского государства – 20-летие революции 1905–1907 гг. Перед организаторами мероприятий стояла сложная задача – требовалось «мирно» размежевать юбилей, и историческое сообщество должно было оказывать активное содействие в достижении этой цели. В частности, «декабристские» комиссии не планировали ограничивать свою деятельность только изданием документов и результатов научных исследований. Они достигли соглашения с Литературно-художественной комиссией, изъявили готовность участвовать в организации театральных постановок, выставок, публичных лекций для широких масс трудящихся.

При планировании юбилейных мероприятий предполагалось, что исторический нарратив станет одним из способов конструирования

и трансляции «правильного» образа декабристов, однако сосуществование разных поколений историков обернулось несогласованностью, стихийностью юбилейного творчества. Как справедливо отметила Нечкина, «несмотря на многое ценное, что дал юбилей, в нем видна индивидуалистическая замкнутость нашей научной работы, отсутствие согласованности и общего плана. В большинстве случаев налицо обособленность исследователя от популяризатора» [39, с. 250]. Это не означало, что историки не откликнулись на призыв «нести знание в массы». Издавалось довольно много популярных брошюр, но почти все они подверглись жесткой критике. Авторам ставили в упрек то, что они отражали состояние предшествовавшей историографии: «Все новые издания источников, документов и весь статейно-монографический материал прошел мимо них» [39, с. 247]. В критических обзорах литературы звучали обвинения в непонимании потребностей целевой аудитории, искажении фактов и неверном освещении событий, а те из авторов, которые пытались популяризовать «идеологически» верную историю декабристов, как оказалось, испытывали трудности с доступным изложением материала [8; 39, с. 247–248; 60; 61].

Определенные результаты были достигнуты в организации юбилейных мероприятий и постановок, большая часть которых пришлось на декабрь 1925 г. Так, в Государственном академическом театре оперы и балета на вечере, посвященном памяти декабристов, были представлены два фрагмента оперы «Декабристы» Ю. А. Шапорина (работа над ней продолжалась до 1953 г.), в Большом театре впервые была поставлена опера «Декабристы» В. А. Золотарева. Успехом пользовалась пьеса молодого драматурга Н. А. Венкстерн «В 1825 году», премьера которой состоялась 27 декабря 1925 г. на сцене МХАТ-2. Автора хотя и упрекали в «отсутствии выявления социальных корней» трагедии декабристов, но признавали, что пьеса дает зрителю «конкретный материал, вполне правдивый и художественно-проработанный» [13, с. 69]. В Музее Революции открылась выставка по истории восстания декабристов, на которой экспонировались предметы, предоставленные Центрархивом, Эрмитажем и др. учреждениями, а также вещи, принадлежавшие семьям декабристов.

Со значительными трудностями пришлось столкнуться в ходе клубной культурно-просветительской работы, что, во-первых, было связано с недостатком литературы, которая выходила в свет несвоевременно, с большим опозданием. Даже к ноябрю 1925 г. список рекомендуемых

В.П.Псарев. Декабристы. 1981 г.

публикаций едва ли насчитывал 20 библиографических единиц⁵, среди которых половина появилась до начала юбилейной кампании. Практических пособий вовсе не имелось, и работники клубов, руководствуясь лишь общими наставлениями, самостоятельно осуществляли поиск необходимой информации и разрабатывали сценарии представлений. Во-вторых, требовалось не просто провести мероприятия, но также донести до публики, зачем вообще празднуется юбилей. В журнале «Советское искусство» С.И.Корев, описывая возможные формы художественной работы, подчеркнул, что «еще не так давно был весьма спорным вопрос – отмечать ли вообще столетие декабристов, и если этот вопрос возникал у наиболее видных представителей нашего рабочего класса и партии, то совершенно естественно, если он возникнет у членов клуба. И вот, объяснить рабочей массе, почему мы все-таки этот юбилей празднуем, с одной стороны, и провести линию через отделяющее нас от декабристов столетие, связать вспышку 1825 г. с нашими современными достижениями и задачами, с другой сторо-

⁵ В ноябрьском номере «Советского искусства» был представлен список изданий, рекомендованных для художественной клубной работы, насчитывавший 14 единиц: популярные брошюры, сборники стихов, хрестоматии, биографические очерки, воспоминания и т.п.

ны, – вот каково должно быть содержание вступительной части этого вечера»⁶ [25, с.24]. Более того, он считал, что главная задача организаторов заключалась в том, чтобы «обрисовать событие и уяснить значение, а не праздновать и не устраивать торжественных вечеров», поскольку «революционная вспышка 1825 г.» не может быть сопоставима с событиями 1905 г. и не должна их затмевать [25, с.25]. И в данном случае он выражал мнение многих деятелей культуры, не поддерживавших героизацию декабристов.

То, что для рабочих юбилей оказался чуждым, пришлось признать и Покровскому: «Масса населения, в первую голову учащаяся молодежь и рабочие, обратили внимание только на двадцатилетие пятого года; а наша старая интеллигенция занялась декабристами, о которых массы, увы, не вспомнили, хотя ежедневная печать – особенно сообщения о разных "открытиях" из Ленинграда – наводила их на это воспоминание достаточно усердно» [45, с.5].

Итоги юбилейной кампании

В 1920-е гг. в науке еще сосуществовали представители «старой» и «новой» школ, а исторический нарратив отражал относительный плюрализм мнений при рассмотрении восстания декабристов. Глава марксистской исторической школы Покровский призвал к борьбе с дореволюционными «легендами» и обосновал «схему движения декабристов», в центре которой оказались Южное общество, Общество соединенных славян и восстание Черниговского полка. Этой «схемой» вооружились историки-марксисты, тогда как «буржуазные» исследователи, пребывавшие во власти «либеральной концепции», по-прежнему фокусировали внимание на изучении Северного общества и восстания 14 декабря. На страницах научных журналов регулярно появлялись заметки, критиковавшие публикации и тех и других, но острой полемики не наблюдалось.

Одной из главных новаций юбилейного исторического нарратива стала характеристика декабризма как полноценного довольно крупного движения, не ограничивавшегося только подготовкой к восстанию. Рассматривая декабристов как первый этап развития русского революционного движения, историки видели в них революционеров, которые «боролись за новый, более прогрессивный экономический и политический строй». При этом исследователи подчеркивали отсутствие «единой революцион-

⁶ При подготовке художественного материала Корев предлагал ориентироваться на книгу Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.».

ной идеологии» и указывали на наличие различных взглядов на «революционную тактику» и существование самостоятельных течений, среди которых выделялась «демократическая струя» в лице Общества соединенных славян. Однако выработать определенную позицию по поводу социальной природы движения так и не удалось. Как и не удалось представить «новую» концепцию, лишенную пробелов и ошибок. Более того, советский исторический нарратив «впитал» и развивал многие мифы, имевшие распространение в дореволюционной либеральной печати.

В целом широкую программу исследований, озвученную юбилейными комиссиями, к началу 1926 г. полностью реализовать не смогли. Ученые обратились ко многим неизученным сюжетам, но численность обобщающих работ и публикаций, касавшихся дискуссионных вопросов, оказалась слишком мала. Считалось, что монографической разработке темы декабризма препятствует «документальная неосведомленность», в связи с чем весомым итогом юбилея стало выявление и обнародование большого комплекса архивных материалов. Гораздо хуже обстояло дело с популяризаторской деятельностью. Несмотря на желание наполнить юбилейную кампанию идеологическим содержанием, взаимодействие между историками и популяризаторами науки выстраивалось тяжело. Популярная литература не способствовала формированию «правильного» представления о декабристах и не объясняла значение празднуемого события. Для широких слоев населения оно оказалось в тени другого юбилея – 20-летия революции 1905–1907 гг.

Библиографический список

1. 14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа) / отв. ред. Е.Л.Рудницкая. М.: Наука, 1994. 453 с.
2. Алаторцева А.И. Журнал «Историк-марксист», 1926–1941 гг. М.: Наука, 1979. 287 с.
3. Бантке С. Петровская реформа в освещении С.М.Соловьева // Историк-марксист. 1929. №13. С.137–165.
4. Бахтурин В.В. Столетний юбилей восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов XX века: варианты конструирования исторической памяти // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т.163. Кн.6. С.71–85.
5. Булдакова Д.И., Киянская О.И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. №11 (44). С.9–16.
6. Восстание декабристов. Библиография / сост. Н.М.Ченцов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. XIX, 792 с.
7. Восстание Черниговского полка в показаниях участников / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1925. Т.13. С.1–67.
8. Гофман Л. Н.М.Дружинин. Кем были декабристы и за что они боролись? // Былое. 1925. №6 (34). С.238–239.
9. Гохберг И. Об антиленинской концепции М.Н.Покровского по вопросу о декабристах // Исторический журнал. 1939. №6. С.22–31.
10. Декабрист В.С.Норов / публ. подгот. С.Шестериков // Былое. 1925. №2 (30). С.87–89.
11. Декабрист Е.П.Оболенский: Письмо к Я.Н.Толстому / публ. подгот. С.Шестериков // Былое. 1925. №1 (29). С.66–69.
12. Донесение Следственной комиссии. [СПб., 1826]. 95 с.
13. Е.Г. «В 1925 году» // Советское искусство. 1926. №1. С.69.
14. Заметки Н.К.Шильдера о восстании 14 декабря и имп. Николае I / публ. подгот. Е.В.Сказин // Каторга и ссылка. 1925. №2 (15). С.148–153.
15. Записка И.П.Липранди «Несколько слов о книге "Восшествие на престол императора Николая I"» // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах: Вып. XIII. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2004. С.239–284.
16. Записка Н.И.Тургенева / публ. подгот. Н.Ф.Бельчиков // Красный архив. 1925. Т.13. С.68–147.
17. Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова: Неизданные письма с комментариями Н.К.Пиксанова // Историк-марксист 1926. Т.1. С.175–200.

18. Из архива К.Ф.Рылеева / публ. подгот. Б.Л.Модзалевский, П.Н.Карелин // Былое. 1925. №5 (33). С.28–44.
19. Из далекой старины // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.252–260.
20. Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1924. Т.6. С.222–234.
21. Из переписки Николая I в декабре 1825 года // Красный архив. 1924. Т.5. С.241–247.
22. К истории освобождения крестьян декабристом И.Д.Якушкиным / публ. подгот. Н.Ф.Лавров // Красный архив. 1925. Т.13. С.250–257.
23. К столетнему юбилею декабристов. От Комиссии Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №1 (14). С.178–184.
24. Кантор Р.М. «Каторга и ссылка» за десять лет (1921–1930): Систематически-предметный указатель. М.: [Б. и.], 1931. 107 с.
25. Корев С. Декабрь в клубе // Советское искусство. 1925. №8. С.19–25.
26. Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го. СПб.: Тип.2 Отд.С.Е.И.В.К., 1857. XIV, 236 с.
27. Красный архив: исторический журнал. 1922–1941: Аннотированный указатель содержания / сост. Р.Я.Зверев. М.: [Б. и.], 1960. 251 с.
28. Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т.1: Дореформенная Россия (1800–1840). СПб.: А. и И.Гранат, [1907]. С.67–137.
29. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.30: Июль 1916 – февраль 1917. М.: Издательство политической литературы, 1973. 562 с.
30. М.Ф.Орлов и 14 декабря / публ. подгот. П.С.Попов // Красный архив. 1925. Т.13. С.148–173.
31. Мемуары декабристов / сост. А.С.Немзер. М.: Изд-во «Правда», 1988. 572 с.
32. Мемуары декабристов. Северное общество / сост. В.А.Федоров. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 400 с.
33. Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. И.В.Пороха, В.А.Федорова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 352 с.
34. Московские настроения в марте 1855 года (по неизданным материалам архива П.А.Кулиша) / публ. подгот. П.И.Рулин // Былое. 1925. №4 (32). С.163–170.
35. Неизданная рукопись декабриста Н.В.Басаргина / публ. подгот. Е.Е.Якушкин // Каторга и ссылка. 1925. №5 (18). С.161–173.
36. Нечкина М.В. Восстание Черниговского полка // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.87–112.
37. Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 183 с.
38. Нечкина М.В. Общество соединенных славян: предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. №1. С.154–174.

39. Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. №2. С.238–250.
40. Нечкина М.В. Украинская юбилейная литература о декабристах // Историк-марксист. 1927. №3. С.187–195.
41. Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов / публ. подгот. Б.Е. Сыроечковский // Красный архив. 1926. Т.4 (17). С.174–181.
42. Обращение комиссии по подготовке празднования юбилея декабристов // Каторга и ссылка. 1924. №1 (8). С.300–301.
43. П.И.Пестель «Конституция Государственный завет» / публ. подгот. С.С.Мильман // Красный архив. 1925. Т.13. С.280–281.
44. Песня декабриста / сообщ. Е.Е. Якушкин // Красный архив. 1925. Т.3 (10). С.319–321.
45. Покровский М.Н. Два вооруженных восстания. 1825–1905 // Под знаменем революции. 1925. №12. С.5–16.
46. Покровский М.Н. Декабристы: Сборник статей. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 94 с.
47. Покровский М.Н. Предисловие // Красный архив. 1925. Т.6 (13). С.V–VIII.
48. Полемика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // Каторга и ссылка. 1924. №2 (9). С.319–322.
49. «Практические начала политической экономии» П.И.Пестеля / публ. подгот. С.С.Мильман // Красный архив. 1925. Т.13. С.174–249.
50. Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года с приложением военно-исторической справки Г.С.Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 226 с.
51. Пресняков А.Е. Восстание декабристов // Былое. 1925. №5 (33). С.3–27.
52. Пресняков А.Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.35–64.
53. Пролетарская революция: Систематический и алфавитный указатель 1921–1929 гг. [М.]: Гос. изд-во, 1930. IV, 165 с.
54. Рассказ И.Я.Телешова о 14 декабря 1825 года / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1925. Т.13. С.284–288.
55. Рубинштейн Н.Л. М.Н.Покровский – историк России // Под знаменем марксизма. 1924. №10–11. С.189–209.
56. Рубинштейн Н.Л. Экономическое развитие России в начале XIX в. как основа движения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.9–34.
57. Саблин В.М. Декабристы и тайные общества в России. М.: Типо-лит. Русского товарищества печатного и издательского дела, 1906. 168 с.
58. Семинарист о событиях 14 декабря / публ. подгот. М.Шкапская // Былое. 1925. №5(33). С.75–78.
59. Сказин Е.В. 14 декабря 1825 г. // Каторга и ссылка. 1925. №8 (33). С.65–86.

60. Сказин Е.В. Ефим Грекулов. Первое вооруженное восстание против царизма (декабристы) // Каторга и ссылка. 1925. №6 (19). С.271–272.
61. Сказин Е.В. Н.Ашукин. Декабристы // Каторга и ссылка. 1925. №4 (17). С.276–277.
62. Стихотворение декабриста / сообщ. Е.Е.Якушкин // Красный архив. 1925. Т.3 (10). С.317–319.
63. Три письма декабриста Петра Борисова / публ. подгот. М.В.Нечкина // Каторга и ссылка. 1926. №6 (27). С.57–64.
64. Три письма Л.Н.Толстого к декабристу П.Н.Свистунову / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1924. Т.6. С.235–242.
65. Троцкий И. Ликвидация Тульчинской управы Южного общества // Былое. 1925. №5 (33). С.47–74.
66. Шестаков А.В. Русские исторические журналы конца 1925 и начала 1926 гг. // Историк-марксист. 1926. №1. С.302–305.
67. Istorik-Marksist, 1926–1941: Cumulative index (author and subject) / by A.S.Powell. Millwood, N.Y.: Kraus International publ., 1981. XII, 404 p.